

Т. Г. ПАНИКАРОВСКАЯ

К ИЗУЧЕНИЮ ГОВОРОВ КУБЕНО-ОЗЕРСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

*(Сообщение о диалектологической экспедиции
Вологодского педагогического института).*

Изучение местных (территориальных) говоров в их взаимодействии с общенародным языком в литературно обработанной его форме — одна из важных задач языко-знания.

Диалектологической экспедицией Вологодского государственного педагогического института имени В. М. Молотова, организованной по заданию Института Языкоznания Академии Наук СССР кафедрой русского языка, летом 1954 года были обследованы местные говоры четырех населенных пунктов Кубено-Озера района Вологодской области (деревень: Колышкино, Павлово, Шолохово, Заболотное). Обследованные населенные пункты расположены в восточной части Кубено-Озера района в направлении на северо-запад от города Вологды: деревня Колышкино Нефедовского сельсовета — на расстоянии 81 км, деревня Шолохово Кольцеевского сельсовета — на расстоянии 51 км, деревня Павлово Новленского сельсовета — на расстоянии 67 км, деревня Заболотное Несвойского сельсовета — на расстоянии 44 км.

Основной задачей экспедиции был сбор сведений для Диалектологического Атласа русского языка; в соответствии с этим наблюдения велись преимущественно над речью старшего поколения, носителей традиционного говора. Диалектологи Вологодского педагогического института изучали, в соответствии с «Программой собирания сведений для составления Диалектологического Атласа русского языка», систему говоров (т. е. их звуковой и грамматический строй, а также словарный состав), а не

те или иные отдельные фонетические, грамматические или лексические явления.

Собранные нами диалектологические материалы недостаточны, однако, для характеристики кубено-озерских говоров в целом, так как мы ограничились обследованием говоров лишь восточной части района; для того же, чтобы решить вопрос об особенностях и группировке кубено-озерских говоров, необходимо проследить распространение тех или иных языковых явлений на всей территории района, что не представлялось возможным.

Говоры обследованных населенных пунктов Кубено-Озераского района, в основном, однородны (хотя они и характеризуются известными различиями, главным образом, в употреблении отдельных фонем) и являются типичными для вологодских говоров вологодско-кировской группы северновеликорусского наречия.

Диалекты, не являясь самостоятельными языками, «всегда сочетают в себе общие признаки данного языка с частными, специфическими признаками данного диалекта, как одно из ответвлений, разновидностей этого языка»¹⁾.

Изучение диалектов Кубено-Озераского района Вологодской области в сравнении с общенародным национальным языком в его литературно обработанной форме свидетельствует о том, что упомянутые говоры характеризуются в настоящее время целым рядом особенностей в области фонетики, грамматического строя и словарного состава, хотя и испытывают значительное влияние литературного языка, постепенно теряя свою относительную самостоятельность. Фонетическая система, грамматический строй и словарный состав изучаемых говоров, как и других современных русских народных говоров, включает, наряду с явлениями, присущими общенародному языку в его литературно обработанной форме, явления, специфические для говоров северновеликорусского наречия.

Укажем наиболее существенные языковые черты (в области фонетики, грамматики и лексики), которые отличают изучаемые говоры от литературной формы общенародного русского языка.

Ударный вокализм обследованных говоров характери-

¹⁾ Р. И. А ван е с о в. Общенародный язык и местные диалекты. Издание Московского Университета. М. 1954, стр. 10.

зуется сравнительно с литературным языком некоторыми особенностями в употреблении гласных звуков, а также иными изменениями ударяемых гласных:

1) В соответствии с этимологическим «ять» под ударением перед мягкими согласными последовательно представлен гласный *и*:

бол'и'йот, в'и'н'ик, вм'и'с'т'э, вд'и'л'э, з'д'и'с', л'и'з'от, л'ин', м'и'с'эц', м'и'р'эл'и, над'и'л'ат, нав'и'с'ит, попр'и'ойт, погр'и'йс'о, пос'и'йэла, посп'и'л'и, св'и'ц'к'и, с'и'с'т'и (дер. Колышкино);

в'и'йол'и, жал'и'йот, ом'м'и'р'она, нам'и'ч'оны, пр'ил'и'п'им, роз'д'и'л'ат, согр'и'л'и, с'и'м'о (дер. Павлово);

в'и'д'ор, в'и'р'им, доброд'и'т'ил', зам'и'т'ila, зв'и'р', м'эдв'и'т', н'эокол'и'йот, наасв'и'т'э, н'эрозум'и'йот, т'эмн'и'йот, хот'и'л'и (дер. Заболотное).

В соответствии с этимологическими «ять» под ударением перед твердыми согласными, а также на конце слов наблюдается гласный *э*. Ср.

в'э'тру, д'э'ло, зап'э'ла, м'э'сто, проб'э'гац'ц'а, р'э'па (дер. Колышкино);

б'э'той, йэ'хат', л'эс, пол'э'но, с'э'рой (дер. Заболотное);

гд'э, наз'эмл'э, нарук'э, настол'э.

2) В соответствии с ударяемым гласным «а» в положении между мягкими согласными в обследованных говорах последовательно произносится гласный *э*:

гор'э'ц'а (им. ед. ж. р.), з'э'т', м'э'ц'ик, нав'ин'ц'э'н'йо, п'эц'э'л', п'йэ'н'иц'а;

вз'э'т', гон'э'йут, затвор'э'т', м'эт', нан'э'т', оз'э'б'л'и, пр'э'л'и, рыц'э'т' (дер. Колышкино);

гр'эс', гор'э'ч'ой, м'эч', набол'э'ч'к'э, оп'э'т', пр'э'н'ик, настаул'э'т', нам'и'ч'э'л'и, отв'и'ч'э'т', пон'э'т', сн'э'л'и, т'э'н'оццо (дер. Заболотное);

п'э'л'ца, п'э'т'оро, пр'э'н'ик (дер. Шолохово);

вм'э'ц'ик, наобр'э'д'э, нап'э'л'цах, бойэ'л'ис', в'ин'ч'э'л'ис', гул'э'л'и, зам'иц'э'йу, истопл'э'т' (дер. Павлово).

Следствием ассимилятивного изменения гласного *а* в *э* под ударением между мягкими согласными является чередование гласных *а*: *э* под ударением после мягких согласных, зависящее от твердости или мягкости последующего согласного звука: гр'а'зной — гр'эс', нэпон'а'тной — пон'э'т', кр'и'ч'а'ла — кр'и'ч'э'т' и т. д.

Особенностью безударного вокализма обследованных говоров является полное оканье. Примеры:

прос'и'у, нога', коро'ва, смотр'э'у; поскор'э'й, посад'и'т', похвора'йом, посыла'эт';

вго'род'э, вы'прос'иу, до'рого;

го'рот, о'вот, д'э'вок;

об'и'дно, м'э'сто, со'в'эсно.

Безударный гласный «о» последовательно произносится в приставках *роз-*, *рос-* (ср. литер.: *раз-*, *рас-*), например:

розда'т', розд'ил'и'т', розр'эши'т', розл'ич'и'т', розум'и'йот, рос't'о'т', росска'зыват, росто'ргнут, росп'э'л'иват, а также в начальном сочетании ро в словах: робо'та, робо'гат', робо'тн'ик (ср. литер.: *работа*).

В говоре деревень Шолохово и Заболотное отмечено сохранение этимологического гласного *о* в предударных слогах в словах:

стока'н, стока'шк'и, кола'ч' (ср. в древнерусском языке: *достоканъ*¹), колачь, колачьник²).

Гласный *о* в первом предударном слоге произносится также в словах: зобо'та, бора'н, отла'с (ср. в древнерусском языке: *боранъ-баранъ*, *Срезневский*, т. I, стр. 151; забота — забота, там же, т. I, стр. 89, отласъ, атласъ, отласъць, там же, том II, стр. 758).

В говоре деревень Колышкино и Павлово упомянутые слова произносятся с гласным *а*: зобо'та, бара'н, стака'н.

В говоре деревни Заболотное гласный *о* в соответствии с этимологическим *а* в предударных слогах отмечен в слове: тор'э'ука, а также в словах: окура'тной, окура'т'н'эн'ко (ср. литер.: *аккуратно*, латин. *assigatus*).

В соответствии с этимологическим *ять* в первом предударном слоге перед мягкими согласными в изучаемых говорах последовательно наблюдается гласный *и*.

б'ил'и'л'и, вгн'из'д'э', д'ив'и'ца, д'ит'э'й, йид'ат, л'и'ч'и'т', поб'ил'э'у, пом'ин'а'ла, см'ийу'цио (дер. Заболотное);

б'иг'и', б'ил'иа', б'ид'н'а'шка, в'ин'ц'э'н'йо, д'ил'и'л'и, зв'ир'йо', л'ин'и'в'ин'ка, стр'ил'э'т', укр'ип'и'л'и (дер. Колышкино);

зам'иц'э'йу, роз'д'ил'и'л'ис', стр'иц'э'т', с'т'ис'н'э'йоцио (дер. Павлово);

¹) И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. СПБ. 1893—1912, стр. 715.

²) Там же, стр. 1249.

Перед твердыми согласными на месте этимологического «ять» в указанном положении произносится гласный э: р'эка', б'эда', посп'эва'т' в'эдро' с'эдо'й, л'эсо'к, вл'эсу', цв'эты'.

Этимологический гласный э в первом предударном слоге после мягких согласных как перед мягкими, так и перед твердыми согласными обычно сохраняет свое качество:

в'эл'у', с'эм'йу', пр'ин'эс'и', пр'ив'эд'и', в'эл'э'у, д'эр'э'ун'а; с'эстра', пр'ив'эзла', с'эло', в'эсло', зас'эло'м, исп'эку'т, с'эстры' и т. д.

Однако в положении перед твердыми согласными в соответствии с этимологическими э, ы в первом предударном слоге возможен также гласный о. Примеры:

з'орна', гор'ова'ла, похл'оба'л'и, т'опла', фс'огда' (дер. Колышкино);

в'осло'м, загр'оба'йут, св'окро'ука, сл'оза'м, с'т'окло' (дер. Павлово);

бр'оуно', нахл'оста'у (дер. Шолохово);

закл'ова'л'и, з'орно', напл'ова'т', ут'оса'ла (дер. Заболотное).

В указанном положении в обследованных говорах наблюдаются колебания: в произношении одного и того же лица возможен как гласный э, так и гласный о (последний значительно реже).

В говоре деревень Колышкино и Павлово отмечено произношение гласного о в первом предударном слоге после твердых шипящих ш, ж в соответствии с этимологическим э. Указанное произношение является, повидимому, отражением ёканья:

жона', жона'тыйо, жон'и'х, жон'и'ус'о, пшено', жону', жоу'док, ужоны', жон'э', пшон'и'ца (пшон'и'ца).

В говоре деревень Шолохово и Заболотное, где ёканье в первом предударном слоге наблюдается значительно реже, чем в говоре деревень Колышкино и Павлово, в первом предударном слоге после шипящих ш, ж в соответствии с этимологическим э, как правило, представлен гласный э:

жэна', жэна'той, пшэно', шэсто'к, пшэн'и'ца, жэл'э'зной, ужэны'.

Гласный а в первом предударном слоге после мягких согласных перед твердыми сохраняет свое качество:

вз'ала', выт'ага'йут, р'атка'м, св'аза'л'и (дер. Павлово);

п'атно, п'ато'к, пл'аса'ла, кр'або'й, тр'аcla' (дер. Колышкино);

пр'аду'т, пот'ану', р'абу'йу, р'ады', тр'асу'т (дер. Заболотное).

Перед мягкими согласными в соответствии с гласным *а* в первом предударном слоге после мягких в обследованных говорах произносится гласный *э*:

напр'эд'и', п'эт'и', нар'эд'и'ус'о, гл'эд'э'ла, напр'эд'о'м.

Изучаемые говоры характеризуются широким распространением ёканья в заударном положении. Гласный *о* в положении после мягких согласных, а также после шипящих *ж*, *ш* наблюдается в соответствии с этимологическими *э*, *ь*, как правило, в заударном конечном закрытом слоге. Примеры:

д'э'н'ок, уну'ц'ок, в'и'т'ор, ло'жок, ка'мн'ом, сто'рожом, засв'э'жой, с'и'н'ой, бу'д'от, оз'э'б'н'от, попр'и'йот, росска'жот, л'и'з'от, поц'ита'йот (дер. Колышкино);

ка'т'ор, вну'ч'ок, наб'э'р'ок, сму'жом, ко'шок, д'э'воч'ок, корма'шок (дер. Шолохово);

скры'шой, п'и'с'он, ста'н'ой, сму'жом, задр'э'мл'ош, зайнгра'йот, поцка'жот, умо'йт'ос', н'эсад'и'т'ос', па'шот (дер. Павлово);

свáр'он, пòл'ом, сплáч'ом, пáхн'от, н'этрóн'от, н'эокол'и'йот, устáн'ош, побр'эзгуйот (дер. Заболотное).

Гласный *о* произносится также в заударном конечном открытом слоге: 1) в именительном — винительном падеже единственного числа существительных среднего рода с основой на согласный *ж*:

воскр'ис'э'н'йо, в'ин'ц'э'н'йо, жа'лован'йо, кóл'йо, пот-пòл'йо, (дер. Колышкино);

зáбóлóт'йо, запушч'э'н'йо, собráн'йо, рукод'ùл'йо, угóл'йо, умыва'н'йо. (дер. Павлово);

восп'итáн'йо, зáйавл'эн'йо, п'ита'н'йо (дер. Заболотное);

2) во флексии именительного — винительного падежей единственного числа имен прилагательных среднего рода, а также в окончании именительного — винительного падежей множественного числа прилагательных:

баск'и'йо, глубо'кйо, жо'утойо, к'и'сыйо, трóднойо, ц'ужы'йо (дер. Колышкино);

гоубо́йо, жы́рныйо, св'э́жыйо, ста́ройо, то́нк'ийо, то́устойо (дер. Павлово);

до́брыйо, л'эсны́йо, родны́йо (дер. Заболотное);

3) в суффиксе сравнительной степени прилагательных и наречий:

б'ид'н'а́йо, б'ил'а́йо, добр'а́йо, крас'н'а́йо, юуч'а́йо, т'эпл'а́йо;

4) в окончании второго лица множественного числа повелительного наклонения глаголов:

б'эр'и́т'о, мо́жыт'о, сп'и́т'о (дер. Колышкино);

н'эсосуд'и́т'о, настаул'э́йт'о, погл'эд'и́т'о, (дер. Павлово);

гр'и́йт'о, н'эм'эша́йт'о, н'этро́н'т'о, пойма́йт'о, уч'и́т'о (дер. Заболотное).

В говоре деревень Павлово и Заболотное ёканье спорадически встречается также в заударном неконечном слоге:

гри́йоццо, ом'м'и́р'она, тр'э́т'йово (дер. Павлово);

пова́шому, д'э́н'ошк'и, назна́ч'оны, сүн'оццо, т'э́н'оццо (дер. Заболотное).

Основные особенности консонантизма обследованных говоров сравнительно с литературным языком состоят в следующем:

1) Говоры восточной части Кубено-Озерского района характеризуются наличием так называемого «среднего» «l» в положении перед гласными звуками в соответствии с твердым *л* литературного языка. Примеры:

во́логда, го́лодны, зац'алá, золото́й, пlóхо, покло́н'и́с', розлом'и́т, шо́лохово (дер. Колышкино);

б'э́лой, гоубы́йо, лома́йот, н'эсказáла, т'оплá (дер. Заболотное);

балова́т, глыбо́ко, задав'и́ло, н'икола́й, осты́лой, т'э́лу́шку (дер. Шолохово);

нала́уку, пла́ц'ош, с'и́ло́с, т'эпló, ход'и́ла (дер. Павлово).

Кроме так называемого «среднего» «l» в обследованных говорах, как и в литературном языке, имеется *л* мягкий:

л'э́нта, л'ин', л'убл'у́ и т. п.

В положении перед согласными звуками и на конце слова в соответствии с твердым *л* литературного языка в говорах произносится *у* неслогоное:

во́ук'и, жон'и́ус'о, жа́уко, коухо́с, посы́уку, по́уно; посла́у, пон'има́у, рос'тэр'а́у, уб'и́у, хл'эсн'уу и т. д.

2) Долгий фрикативный шипящий согласный *ж* в говоре деревень Калышкино, Павлово, Шолохово является звуком твердым:

до'жжыка, уйэжжа'т', дрожжа'у, дро'жжы, в'ижжа'т, во'жжы, пойэжжа'на.

В говоре деревни Заболотное долгий шипящий *ж* произносится мягко:

во'ж'ж'и, дро'ж'ж'и, вож'ж'э'ч'к'и, йэж'ж'у, до'ж'ж'и-ч'ок, в'иж'ж'а'т'.

Сочетание *шч'* наблюдается в говоре деревень Калышкино, Павлово, Шолохово на месте общеславянского сочетания *ш' ч'*: ро'шч'a, пушч'у, угошч'э'т', а также на месте древнерусских сочетаний: съч, зъч: н'эшч'э'с'йо, во'шч'ик, розно'шч'ик.

В говоре деревни Заболотное на месте упомянутых сочетаний представлен долгий мягкий шипящий *ш'*:

иш'ш'у', та'ш'ш'ит, н'эопуш'ш'у, н'эш'ш'ита'ус'о, ш'ш'ас-л'и'во, во'ш'шик.

3) Говор деревни Калышкино характеризуется неразличением аффрикат *ц*, *ч*. В соответствии с литературными *ц*, *ч* в упомянутом говоре представлена мягкая аффриката *ц'*. Примеры:

вну'ц'ка, тоуц'a'йо, м'э'тоц', оболо'ц'ка, п'яэн'ц'у'га, поц'ита'йот, св'и'ц'к'и, ц'a'сто, ц'э'йн'ик;

вод'и'ц'и, корм'и'л'эц', л'иц'о', м'и'с'эц', огурц'и', ц'в'и-т'от и т. д.

В говоре деревни Павлово цоканье встречается лишь спорадически. В говоре деревень Заболотное и Шолохово звуки *ц* и *ч* последовательно различаются. Зубная аффриката *ц* — тверда, небно-зубная аффриката *ч* — мягка:

пл'эч'о', получ'и'у, ч'a'сто; концы', у'л'ица, цэ'йой и т. д.

4) Согласный *в* губно-зубного образования произносится в изучаемых говорах только перед гласными звуками: во'ук, во'л'н'o, вы'пау. В положении перед согласными звуками в середине слова, а также на конце слова в соответствии с этимологическим *в* наблюдается гласный *у* неслоговое¹⁾.

Примеры:

була'ука, д'э'ука'и, дауно', голо'укоj, морко'уку, пра'у-да, торго'уц'и; голо'у, гото'у, коро'у (дер. Калышкино);

¹⁾ Гласный *у* неслоговой в примерах обозначается буквой *у*.

д'эр'э'ун'а, застаул'э'л'и, пра'уда, пу'гоука, сл'и'ук'и
(дер. Шолохово);

гото'ул'у, нала'уку, согоро'доу, цвэтко'у (дер. Павлово).

В говоре деревни Заболотное в соответствии с этимологическим в перед глухими в середине слова, наряду с *y*, употребляется и глухой согласный *ф*, причём колебания возможны в речи одного и того же лица:

д'э'ук'и, кла́доуш'ш'и'к, тра'ука. Ср. д'э'фк'и, ла'фк'и, офса'.

Согласный звук *ф* как самостоятельная фонема возможен в обследованных говорах лишь в словах иноязычного происхождения. Например: фа'бр'ика, фона'р', фу́нт, сарафа'н, то'рфа и т. д.

В говоре деревни Колышкино на месте согласного *в* в начале слова перед согласными спорадически наблюдается слогоное *у*: уну'к, уну'ц'ок.

Ср. однако: вну'ц'ка, вдова', вм'и'с'т'э.

В говоре деревень Павлово, Шолохово, Заболотное в указанном положении произносится губно-зубной фрикативный согласный *в*.

5) На месте среднеязычного звонкого фрикативного согласного *ж* (*й*) в заударном положении в результате ослабления артикуляции произносится гласный звук *й* (неслоговое):

зна'йот, забыва'йот, заигра'йот, похл'эба'йот, робо'тай-
от, соупада'йот.

В обследованных говорах наблюдается также дальнейшее ослабление и утрата звука *й* в заударном положении. Примеры:

выт'эка'эт, игра'эт, исхуда'эт, н'экуса'эт, н'эроспуска'-
эт, н'эупр'эва'эт, обн'има'эт, робо'таэт.

Отмечена и следующая ступень изменения — стяжение гласных звуков в результате ассимиляции последующего гласного предыдущему после утраты интервокального *ж*:

вы'ругат, заробо'там, игра'т, зна'т, п'эр'эд'э'лат, поку'-
р'иват, угова'р'иват, швыр'а'т.

Утрата звука *й* в заударном положении после гласного звука и последующее стяжение гласных — живой процесс во всех обследованных нами говорах.

Утрата интервокального *ж* и последующее стяжение гласных в глагольных формах наблюдается преимуще-

ственno в сочетании *айэ*. Стяжение гласных звуков как следствие утраты интервокального *ј* широко представлено также в именах прилагательных:

б'э'дна ба'ба, зан'а'тна д'э'ука, гор'э'ц'а зола', ру'ска п'эц', ста'ро с'эло' (дер. Колышкино);

з'и'мн'о вр'и'м'о, но'вы л'у'д'и, хоро'шо молоко', сыры' лрова' (дер. Павлово);

бога'ты сва'р'бы, глубоку'шч'и йа'мы, парно' молоко', ста'р'эн'ку ма'т', та'глову с'и'лы (дер. Заболотное).

6) В речи отдельных жителей деревни Павлово наблюдается шепелявое произношение мягких свистящих согласных *с", з"*.

з"има', з"эмл'а', с"эно, о'с"эн' и т. д.

Однако такое произношение отмечено лишь в отдельных семьях и не является, повидимому, фонетической нормой для говора. Возможно, на более ранней ступени развития говора шепелявое произношение звуков *с', з'* было распространено шире.

7) В говоре деревень Шолохово и Заболотное наблюдается ассимилятивное смягчение заднеязычного согласного *к* под влиянием предшествующих мягких согласных. Например:

д'эс'а'точ'ка, зв'о'зdoch'ка, м'и'с'т'эч'ка, л'э'йка, м'э'у-кон'к'ой, окура'т'н'эн'ко, ста'р'эн'ка, шэн'э'л'ка (дер. Заболотное);

вал'к'о'м, вну'ч'ка, запа'ч'кау, соба'ч'ка, хоз'а'йка (дер. Шолохово).

В говоре деревни Заболотное возможно также смягчение заднеязычных *г, х* в положении после мягких согласных звуков:

в'эр'х'о'м, зд'эн'г'а'м, доч'этв'эр'г'а', св'э'р'х'у.

8) В сочетании *л'н* согласный *н* смягчается под влиянием предшествующего мягкого согласного *л'* в обследованных говорах и в тех случаях, когда за ним следует гласный непереднего ряда:

бол'н'а'я, опход'и'т'эл'н'айа, самостойа'т'эл'н'ой, уд'и-в'и'т'эл'н'о (дер. Колышкино);

бо'л'н'о, дово'л'н'о, изол'н'у', рукод'и'л'н'а', с'т'э'л'н'айа (дер. Павлово);

бол'н'о'й, п'ита'т'эл'н'о, уд'и'в'и'т'эл'н'о (дер. Заболотное);

во'л'н'о, н'эд'и'л'н'айа, ласка'т'эл'н'а, ссы'л'п'айа, шта'п'эл'н'о полотно' (дер. Шолохово).

В словах «большой», «больше» произносится так называемое «среднее» 1: *бо́шо́й*, *бо́льшэ*.

9) Из ассимилятивных изменений отметим также уподобление звонкого губного согласного *б* последующему сонорному носовому *м* в сочетании *бм*. В результате этой ассимиляции сочетание *бм* изменяется в *мм*:

омма́н, омма́нывам, ом'м'и́р'ау, омма́зау (дер. Колышкино);

оммо́чит, омма́ном, ом'м'и́р'ивай (дер. Шолохово);

Сочетание *дн* в изучаемых говорах изменению не подвергается. Ср. *голо́дны*, *ла́дно*, *м'э́днайа*, *тру́дно́йо*, *хо́дно*.

10. На месте древнерусского сочетания *чн* в обследованных говорах широко представлено сочетание *шн*:

кон'э́шно, пор'а́дошно, ц'в'это́шной (дер. Колышкино);

мушно́й, наро́шно, н'эуда́шныйо, р'эшно́й, рушно́й (дер. Заболотное);

пор'а́дошной, простос'эрд'э́шной, пло́тн'ишной (дер. Павлово);

мо́лошной, н'эо́боюшно, ру́шна́ ко́шка, по́цсо́у́шной о ма'clo (дер. Шолохово).

11) В соответствии с взрывным задненебным согласным *к* в положении перед взрывными *т*, *к*, *п* в результате диссимиляции по способу образования в обследованных говорах произносится фрикативный задненебный согласный *х*:

трахтор'и́с, н'эхто́, кто (дер. Колышкино);

хко́з'э́, хкоро́вам (дер. Заболотное);

хпа́рн'у, спроду́хтам, пра́хт'ику (дер. Шолохово).

В лексике, заимствованной из литературного языка, подобная диссимиляция наблюдается реже.

12) В обследованных говорах наблюдается утрата согласных *т'*, *т* в конечных сочетаниях *с'т'*, *ст*:

кос', сырос', хи́трос' мос, пос.

Отметим наиболее существенные специфические особенности грамматического строя обследованных говоров:

Круг имен существительных мужского рода неодушевленных, имеющих окончание *у* в родительном падеже единственного числа, шире, чем в литературном языке, хотя окончание *у* употребляется, в основном, при тех же условиях, что и в литературном языке. Примеры:

тр'э́буйот р'эмо́нту, н'э́было зака́зу, нам'э́сто о́д-

дыху, дл'апор'а'тку, изго'роду, искры'му, иссоухо'зу, изб'эр'э'з'н'ику, стово' б'э'р'эгу; украйч'ику, доскла'ду, укрыжо'ун'ику.

Несколько шире, чем в литературном языке, употребляется ударяемое окончание *у* в предложном падеже единственного числа существительных мужского рода, обозначающих неодушевленные предметы в сочетании с предлогами *в*, *на*:

вдому', напойэзду', наострову' и т. д.

В отдельных случаях однако в предложном падеже единственного числа существительных мужского рода употребляется архаическая флексия *э* в соответствии с флексией *у'* литературного языка:

вл'и'с'э, фпрошлом го'д'э, фпруд'э'.

Указанные формы встречаются, преимущественно, в речи старшего поколения.

Имена существительные мужского рода с суффиксом *ушк*, *шик*, обозначающие лицо и имеющие в именительном падеже единственного числа окончание *о* в обследованных говорах, изменяются по образцу существительных мужского рода второго типа склонения:

пр'иши'у ба'т'ушко, пр'иб'эжа'у мал'ч'и'шко; жы'л'и б'эзба'т'ушка, д'э'душка н'э'было до'ма (дер. Заболотное); вго'с'т'и гд'э'душку, йи'з'д'иу вго'рот зд'э'душком (дер. Шолохово).

Имена существительные среднего рода на *м'о* (древние основы на *ен*) не имеют в косвенных падежах единственного числа «наращения» *ен* и изменяются по образцу существительных мягкого варианта среднего рода на *о*:

уно'гол'и вр'и'м'ато?, и'з'д'иу зас'и'м'ом, н'э'тл'и с'и'м'а увас?, усп'е'у ковр'э'м'у.

Имена существительные иноязычного происхождения (к'ино', пал'то' и т. п.), а также сложносокращенные слова (с'эл'по', райзо') изменяются в изучаемых говорах по образцу имен существительных среднего рода на *о*.

Имена существительные женского рода третьего типа склонения имеют в дательном и предложном падежах единственного числа окончание *э*, возникшее, как известно, под влиянием склонения существительных женского рода на *а*. Флексия *э* в одних случаях является ударяемой, в других, значительно реже, — безударной:

кноц'э', клошад'э', нап'эц'э', вгр'эз'э', поо'ц'эр'эдэ',

ко'с'эн'э, напос'т'э'л'э (дер. Колышкино); нап'ив'эз'э', на-
лошад'э', фп'эц'э', фкос'т'э', пр'ибы'тнос'т'э (дер. Забо-
лотное).

Окончание творительного падежа единственного числа существительных женского рода третьего типа склоне-
ния — *йой* — является результатом контаминации, где *й* — из исконного окончания существительных указан-
ного типа, а *ой* — из окончания творительного падежа единственного числа существительных женского рода
на *а*:

кро'йот дра'н'йой, см'и'д'йой, згармо'н'йой, но'ц'-
йой, гр'э'з'йой, ло'шад'йой, дв'э'р'йой (дер. Колышкино);
ша'л'йой, цы'п'йой (дер. Павлово).

Более широко, чем в литературном языке, распространено в именительном падеже множественного числа су-
ществительных мужского рода ударяемое окончание *а*:
снопа', круга', взяэда', кон'уха', жыт'эл'а'.

Безударное окончание *а* представлено в именительном падеже множественного числа существительных мужского
рода с суффиксом *анин* в единственном числе и *ан* — во множественном числе:

хр'эс'йа'на, воложа'на, пойэжжа'на, а также в имени-
тельном падеже множественного числа существительных с суффиксами *ишк*, *ат-ишк*, *ат-к* со значением пренебре-
жительности, снисходительной иронии:

дров'и'шка, йаблоч'и'шка, глаz'и'шка, роб'ат'и'шка, ро-
б'а'тка, кот'а'тка, гус'а'тка.

Шире, чем в литературном языке, распространено окончание *а* (как ударяемое, так и безударное) в именительном падеже множественного числа после *й*, ослож-
няющего основу существительного во множественном числе. Например.

л'эд'я', сват'я', боран'я', гвоз'д'я', юголя.

Имена существительные мужского рода с основой на согласный *ц*, мягкий в говоре деревни Колышкино и твер-
дый в говоре деревень Шолохово, Заболотное, Павлово, имеют в форме родительного падежа множественного
числа окончание *эй*:

зайц'э'й, м'ис'эц'э'й, огурц'э'й, пал'ц'э'й (дер. Колыш-
кино);

гос'т'и'нцэй, торго'уцэй, оццэ'й (дер. Шолохово, Пав-
лово);

со'рок концэ'й, молоццэ'й (дер. Заболотное).

В обследованных говорах представлены архаические формы родительного падежа единственного и множественного числа существительного «день».

сэ́тово д'н'и, сыл'йина́ д'н'и, допосл'э́д'н'их д'он.

Однако отмечены и литературные формы: д'н'а, д'н'э́й.

Изучаемые говоры характеризуются совпадением форм дательного и творительного падежей множественного числа всех склоняемых слов (т. е. существительных, прилагательных, местоимений и числительных) в форме дательного падежа множественного числа:

задвора́м, ма́йус' зуба́м, с на́шым роба́там, пло́хо скорма́м, гул'áт здву́м д'э́ушкам, свои́м груда́м корм'и́ла, сосв'э́жым гр'иба́м, сэ́дак'им ко́сам, би́л'i т'а́жо́ым молотка́м.

Литературные формы творительного падежа множественного числа утверждаются в обследованных говорах очень медленно.

В дательном падеже единственного числа личного местоимения первого лица, параллельно с формой *мн'э*, возможна форма *м'ин'э*, возникшая под влиянием основы родительного — винительного падежей: *м'ин'а*.

В родительном — винительном и дательном — предложном падежах единственного числа личного местоимения второго лица встречаются формы *т'ийа́*, *т'ийэ́*, возникшие в результате ослабления звонкого взрывного согласного *б*. Эти формы употребляются параллельно с формами *т'иб'a*, *т'иб'э́*, но значительно реже последних.

Формы косвенных падежей личных местоимений третьего лица единственного и множественного числа в сочетаниях с предлогами употребляются как с начальным *н*, так и без него. Ср. сн'эйо́, ун'эво́ бы́у, сио́й жыв'о́т, уи́х н'эт пра́уды.

Именительный падеж множественного числа личных местоимений третьего лица имеет форму *он'э́*.

Полные прилагательные мужского рода последовательно сохраняют безударное окончание *ой* в форме именительного падежа единственного числа. Например:

бл'изору́кой, с'эр'д'и́той, уда́лой, сва́д'эбной, р'э́ткой, б'и́д'н'эн'кой.

Полные прилагательные женского рода имеют в родительном падеже единственного числа, наряду с флексиями *ой*, *эй*, архаические флексии *ыйо*, *ийо*. Последние отмечены, главным образом, в речи старшего поколения.

Примеры:

умо́до́й д'э́ушк'и, кру́пной з'эмл'эн'и́ц'и, с'и́н'эй л'э́нты.

Ср.: ц'о́рныйо, сморо́д'ины, ста́рыйо стару́хи (дер. Колышино); умо́лоды́йо ба́бы, лу́ч'чэ гороцк'и́йо (дер. Павлово); коухо́зныйо карто́шк'и, н'икак'и́йо стро́йк'и (дер. Шолохово).

Формы сравнительной степени прилагательных и наречий образуются при помощи суффиксов *айо*, *э*, *иэ*:

крас'н'а́йо, пов'э́с'эл'а́йо, поз'н'а́йо, пот'эпл'а́йо, ноу́н'а́йо, св'этл'а́йо, скор'а́йо, скус'н'а́йо, сытн'а́йо, умн'а́йо, холод'н'а́йо,

бо́л'э, д'эшэ́ул'э, доро́жэ, побога́т'э, пов'эртова́т'э, попло́шэ, пото́н'э, м'э́нше, бо́шэ.

Инфинитив глаголов оканчивается на безударное *ти* в тех случаях, когда ему предшествует согласный *с*:

пои́с'т'и, пр'э́с'т'и, с'и́с'т'и, укла́с'т'и, укра́с'т'и.

В говоре деревни Колышино инфинитив глаголов с основой настоящего времени на задненёбный согласный сохраняет упомянутый согласный в конце основы перед суффиксом:

б'эр'экц'и', п'экц'и', с'т'эр'екц'и'.

Особенностью всех обследованных говоров является сохранение старых форм второго лица единственного числа настоящего времени глаголов «есть» (кушать), «дать» с флексией *си*:

уно́гол'и дас'и́ зако́рм?, хлэ́п йис'и'.

Глагол «есть» (имеется) употребляется в форме йэ́с'о, йэ́с'отко.

В изучаемых говорах, как и во многих говорах вологодско-кировской группы, широко употребляются формы второго лица множественного числа глаголов первого спряжения с окончанием *ит'о*:

жыв'нт'о', знаит'о', найд'ит'о', п'и́шыт'о'.

Возвратная частица глаголов употребляется в форме *с'* (после гласных) *с'о* (после согласных, за исключением согласного *т*; а также после *у* неслогового);

поклон'и́с', пообр'ажу́с', пр'иснас'т'и́л'ас', розйэ́хал'ис', тр'э́бовалос';

договор'и́мс'о, загр'эз'н'и́с'с'о, погр'и́йс'о, нап'ио́с'с'о, разговор'и́мс'о, роско́хс'о, смы́ус'о, уыбыну́ус'о.

На стыке согласного *т* (суффикса инфинитива или личного окончания глагола) с возвратной частицей *ся* на-

блюдается слияние звуков, возникает долгая аффриката *ц*, мягкая в говоре деревни Колышкино и твердая — в говоре остальных обследованных деревень:

сва'таццо, д'ил'и'ццо, д'оржа'ццо, мы'ццо, од'д'и'л'эццо, остатай'ццо, пр'ихо'д'иццо, су'н'оццо, торгова'ццо (Шолохово, Заболотное, Павлово);

вал'иц'ц'a, в'эду'ц'ц'a, дожда'ц'ц'a, зарод'aц'ц'a, п'эц'-э'л'ид'ц'a, позабо'т'иц'ц'a, проко'рм'иц'ц'a, ро'с'т'иц'ц'a (дер. Колышкино).

Все обследованные говоры характеризуются употреблением именительного падежа существительных на *а* в роли прямого дополнения при инфинитиве переходных глаголов:

кос'и'т' трава', доста'т' кр'и'ноц'ка молока', машы'на прода'д'бы (дер. Колышкино);

ку'р'ицэ голова' отруб'и'т', мо'жно карто'шку ста'в'ит', кос'и'т' уса'д'ба (дер. Заболотное);

ста'ла мука' си'йэт' в'эл'э'ла п'э'ч'к'a устро'ит' (дер. Шолохово).

Значительно реже употребляется именительный падеж существительных на *а* при личных формах глагола: отруб'и' голова', кос'и'у трава'.

Существительные на *а* в именительном падеже единственного числа употребляются также в сочетании с предикативным наречием «надо» и обозначают тот предмет, надобность которого выражается говорящим:

йо'й коза' на'до, мн'э' шу'ба н'эна'до, йэму' ко'шка на'до (дер. Колышкино), йэму' жэна' на'до, фс'э'м коп'э'йк'a на'до (дер. Заболотное); .

на'до хоро'ша пого'да, на'до нам машы'на (дер. Шолохово).

В изучаемых говорах при именах существительных и прилагательных широко употребительна постпозитивная частица. При существительных в именительном падеже единственного числа мужского рода постпозитивная частица имеет обычно форму *от*, реже — *то*; при существительных в именительном падеже единственного числа женского или среднего рода — форму *то*. Например:

йэ'с' ру'бл'от, л'э'сот задворо'м, п'эту'хот вза'городу ход'ит, проб'ил'и'т' л'о'нот, гум'э'н'н'икот избр'о'в'он; худа'йа изба'то, ба'бато у'мэрла', доска'то з'д'и'с'; з'орно'то сыр'ёю, худо'ёю пла'т'йото, фста'ро вр'и'м'ото.

При существительных именительного падежа множе-

ственного числа постпозитивная частица выступает в форме *ти*.

д'эн'жо'нк'ит'и напра'з'н'ик йэс', зоот'э'хн'ик'ит'и пр'ийэжжа'йут, дрова'т'и сыры'йо.

При существительных в косвенных падежах единственного и множественного чисел всех трех родов употребляется обычно форма *то*. Например:

в'э'ткуто пр'игото'в'ит', хл'э'пцато н'эт, оч'ко'уто н'эт ум'ин'а', ско'л'к'о вр'э'м'ато бол'э'у? (дер. Заболотное).

коро'выто н'э'тутко, пр'ийэ'хала кму'жуто, з'д'эн'га'мто хорошо' (дер. Шолохово).

В обследованных говорах встречается согласование во множественном числе при подлежащем, выраженном единственным числом существительного, имеющего субъектальное значение:

наро'т в'эс' отв'эрну'ццо (дер. Шолохово), посторо'ниой наро'т смо'тр'ат, род'н'а' пр'ийэ'хал'и (дер. Павлово) бр'ига'да робо'тайут, штозанаро'т жыу'т (дер. Заболотное).

В наших говорах наблюдается сочетание винительного падежа с предлогами *водле*, *подле* для выражения пространственных отношений:

во'дл'э л'э'с, по'дл'э л'э'с, во'дл'э о'з'эро.

Предлоги *водле*, *подле* употребляются также в сочетании с родительным падежом имен существительных:

во'дл'э л'э'су, р'ики'; по'дл'э р'э'ч'к'и.

Наряду с творительным падежом в сочетании с предлогом *за* в изучаемых говорах широко употребляется винительный падеж в сочетании с предлогом *по* в значении *цели*:

задрова'м, зайа'годам, заоццо'м, запр'этс'эда'т'эл'ом.

Ср.: подрова', похл'э'п, пома'clo, поцв'эты', пойабло'ч'и'шка, побр'игад'и'ра, побыка', пон'эв'э'сту, пооцца'.

Широко употребителен сложный предлог *по-за* в сочетании с дательным или творительным падежом для выражения пространственных отношений:

ид'и' позаушку', позад'эр'э'ун'э шла' (дер. Павлово).

позапо'л'у ид'и, позаушку' б'иг'и' (дер. Заболотное),

позан'эф'о'дову на'до ит'т'и', позадо'му о'з'эро (дер. Колышкино).

Ср.: позакорму'шкам понэсл'и', позаго'родом гул'э'л'и, позаматв'э'йэск'им.

Частица *да* возможна в конце предложения для закрепления высказанной мысли. Например:

дом про'дал'ида, от'эздама'д'да, круго'м вода' дала'га'да (дер. Заболотное). Она' дан'ура дага'л'ада,

Есть основания полагать, что в обследованных говорах шире, чем в литературном языке, употребляется родительный падеж при переходных глаголах, имеющих при себе отрицание, а также при инфинитивах, которые зависят от глаголов с отрицанием:

н'эпр'ив'эду' *tely'ishk'i*, н'эста'ла покупа'т' *korо'vy* и др.

Таковы основные специфические черты звуковой системы и грамматического строя обследованных говоров.

Словарный состав обследованных говоров Кубено-Озерского района включает в свой состав, наряду со словами, являющимися принадлежностью словарного состава общенародного языка в его литературной форме, слова, характерные для говоров северновеликорусского наречия и отсутствующие в литературном языке. Отметим некоторые слова, специфические для севернорусских говоров, в словарном составе обследованных говоров:

ос'э'длос' — место, на котором находится дом с хозяйственными постройками; вы'шка — чердак; хл'э'ф — помещение для скота; *molot'i'lo* — цеп; го'уб'эц, го'уб'эц' — ход в подполье; зы'пка — колыбель; жы'то — ячмень; пов'э'смо — горсть льна, пучок, моток; к'ир'п' — десять десятков льна; страда' — уборочная пора; по'моч' — коллективная помощь в сельской работе; пово'йн'ик — женский головной убор; п'э'п'эу — зола; розоболока'ццо, розоболока'ц'ц'a — раздеваться; обр'эд'и'т' — убрать; о'боловко-облако; борон'и'ццо — борон'и'ц'ц'a — защищаться; в'о'дро — ясная погода; л'з'a — можно (кабы л'з'a бы'lo); л'э'тос' — в прошлом году; п'о'рс — палец; скру'та — одежда; обра'т' — убрать, прибрать; п'э'таццо, п'э'тац'ц'a — возиться, хлопотать; заста'т' — загонять скот; проч'кну'ццо, проч'кну'ц'ц'a — проснуться; холо'т'ага — молодой человек; мост — сени; баско'й — красивый; бас'и'т' — украшать; паха'т' хл'э'п — нарезать много хлеба; лыч'э'й — листья свеклы, bla'з'n'ит' — казаться, мерещиться; гу'б'ина — грибы.

Черты, отличающие обследованные говоры от норм общенародного языка в литературно обработанной его форме существенны, но «они занимают сравнительно не-значительное место среди общих элементов»¹⁾ фонетиче-

¹⁾ Р. И. Аванесов. Цитированная работа, стр. 10.

ской системы, грамматического строя и словарного состава тем более, что в настоящее время литературный язык оказывает всё более заметное влияние на местные диалекты.

На территории, занятой кубено-озерскими говорами, сохранились явления, которые были характерны для русского языка в прошлом. Таковы, например, в области фонетики: рефлексы старого ять, мягкость согласного ц' в говоре деревни Колышкино; в области грамматики: флексия ыйо в родительном падеже единственного числа полных прилагательных женского рода; употребление при инфинитиве переходных глаголов существительных женского рода на и в именительном падеже в роли прямого дополнения; согласование во множественном числе при подлежащем, выраженном собирательным существительным в форме единственного числа; сохранение сочетания винительного падежа с предлогом «подле» для выражения пространственных отношений и некоторые другие факты.

Диалектологическое изучение говоров Кубено-Озерского района Вологодской области (при условии сопоставления данных кубено-озерских говоров с данными других северновеликорусских говоров, а также с нормами общеноародного русского языка и обращения к фактам древнерусского языка) может дать известный материал для изучения истории русского языка.
